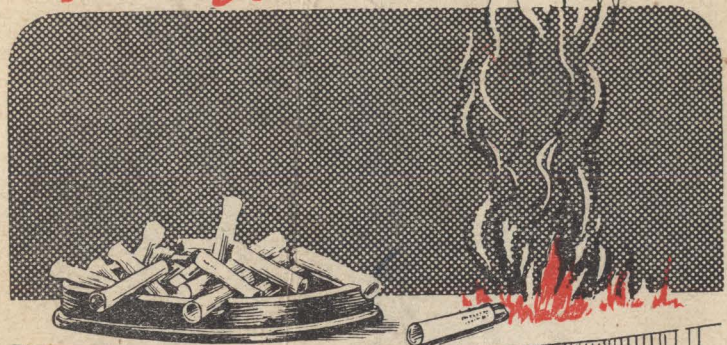

Цена 60 коп.

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ
при курении

*Не бросайте
незатушенных*
СПИЧЕК И ПАПИРОС

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 23

1955

Уолт УИТМЕН

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПРОЗА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Уолт УИТМЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА

Перевод с английского
Корнея ЧУКОВСКОГО

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1955

Уолт УИТМЕН

Ровно сто лет назад, в июле 1855 года, в книжных магазинах Нью-Йорка появилась тоненькая книжка стихов под странным названием «Листья травы». Имени автора на переплете не значилось, но в одной из поэм, напечатанных в книжке, была такая строка:

Я, Уолт Уитмен, сорви-голова, американец, и во мне
вся вселенная...

Так как издателя для этой книжки не нашлось, автор набрал ее сам и собственноручно напечатал в одной из небольших типографий, принадлежавшей его случайным знакомым. Книжка вышла малым тиражом — всего 800 экземпляров. Критика встретила ее шумною бранью. «Навоз», «чепуха», «пошлятина» — таковы были отзвухи чопорных и ханжеских американских газет.

Очень удивились бы авторы этих свирепых рецензий, если бы им сказали тогда, что именно за эту книгу Уолту Уитмену поставят близ Нью-Йорка памятник, что она будет переведена на языки всего мира, что в глазах миллионов людей она станет самой замечательной книгой, какую когда-либо производила Америка, что об ее авторе будет написано множество книг (количество которых в настоящее время чрезвычайно растет), что сто лет спустя все передовое человечество отметит дату ее появления как одну из незабываемых вех на пути к братскому единению народов.

Казалось, книга потерпела фиаско: ее не покупали, она залежалась на книжных прилавках. Единственным человеком, который верил тогда в грандиозную судьбу этой книги, был ее осмеянный автор. Злобные ругательства критики не обескуражили его. Бросая вызов своим осатанелым хулителям, он восклицал, обращаясь к Нью-Йорку:

Ты, город, когда-нибудь станешь знаменит оттого,
Что я в тебе жил и пел.

Уолт Уитмен родился в 1819 году в семье американского фермера-плотника, в деревенской местности, недалеко от Нью-Йорка. С детства он перепробовал много профессий: был и рассыльным, и типографским наборщиком, и редактором мелких захолустных газет, и репортером, и плотником, и школьным учителем, сочинял заурядные стихи и рассказы, напечатал даже роман, обличающий пьянство; казалось, ему было навсегда суждено затеряться в безликой толпе третьестепенных писателей, когда на тридцать седьмом году жизни он создал гениальные «Листья травы».

Это был величавый, медлительный, молчаливый, спокойный, рано поседевший человек, одетый в рабочую блузу с широко расстегнутым воротом. Шагая по нью-йоркскому Бродвею, он то и дело здоровался

с проходящими каменщиками, малярами, разносчиками. У него был особый талант к демократической дружбе. Если заболел какой-нибудь возница бродвейского омнибуса, Уитмен заменял его на козлах и к вечеру приносил ему выручку. Сохранились письма Уитмена к кондуктору конки Питеру Доилу: поэт делился с Питером своими последними деньгами, принимал в нем сердечное участие и входил во все мелочи его скудного быта. Во время Гражданской войны (1861—1865) Уитмен посвятил себя уходу за больными и ранеными. Лежавшие в лазаретах солдаты радовались ему, как близкому другу. Он подолгу беседовал с каждым, писал письма их матерям и отцам, и так велико было обаяние его личности, что одно его присутствие облегчало страдания больных. Бывали такие недели, когда он дни и ночи проводил у больничных коек.

Эти светлые черты его личности отразились в его поэзии. Основной пафос «Листьев травы» — демократическая дружба народов. К этой дружбе он призывал неустанно. В ней виделось ему спасение всего человечества:

...города будет невозможно разнять, так
крепко они обнимут друг друга,
сплоченные любовью товарищей,
мужественной любовью товарищей.

Эти города будут несокрушимо сильны, и их не покорить никакому врагу:

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы
напали на него все страны вселенной,
Мне снилось, что это был город Друзей, какого еще никогда
не бывало,

И что превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь.

Свой идеал демократической дружбы он воплощал раньше всего в своей собственной жизни:

...имя мое — это имя того, кто умел так нежно любить...
Того, кто не песнями своими гордился, но безграничным
в себе океаном любви, кто... изливал его щедро на всех.

Именно это чувство демократической дружбы-любви заставило Уитмена так самоотверженно ухаживать за больными и ранеными во время Гражданской войны. Работа в лазаретах не прошла ему даром: в 1873 году его разбил паралич, и он стал инвалидом. Болезнь не сломила его оптимизма. «О, неизреченная сладость предсмертных дней», — писал он. В 1884 году он переселился в город Кэмпден (Нью-Джерси), где и провел свои последние годы. Умер он от пневмонии 26 марта 1892 года.

В том же году вышло десятое издание его «Листьев травы», значительно пополненное новыми стихами. Эта книга оказалась необыкновенно живучей. Тысячи книг, встреченных горячими восторгами критики, давно уже забыты навсегда, а эта книга, такая «неуклюжая», написанная «неотесанным», «грубым» стихом, без размера и рифмы, без всяких орнаментов, с каждым годом становится все ближе читательским массам и ощущается ими как животрепещущая современная книга, книга о нашем *здесь и теперь*. Это произошло отнюдь не потому, что Уолт Уитмен был «демократическим бардом», как любят утверждать буржуазные критики. Та демократия, которая в эпоху «Листьев травы» казалась его современникам такой «благодатной силой», обеспечивавшей прочное счастье всего человечества, давно уже

обнаружила свою хищническую и злую природу. Сила его книги заключается именно в том, что он воспевал «демократию будущего», то есть коллективизм, интернационализм, бесклассовое, свободное общество, возможное лишь в условиях коммунизма. То вселенское братство людей, которое он с такой пламенной страстью утверждал в своих «Листьях травы», действительно является основой подлинно коммунистической морали. «Одно будет сердце у шара земного, все человечество будет единый народ», — такова была несокрушимая вера поэта.

«Конечно, в нем было много такого, что неотделимо от буржуазной демократии XIX века, — говорит о нем один из лучших американских критиков, — но все это забыто читателями, а то прогрессивное, глубоко гуманное, что выражено в его стихах, более жизненно, более художественно, более оригинально и более пластично, чем в произведениях какого бы то ни было другого писателя, придает нашим современникам могучие силы в их борьбе с варварской черной реакцией и всегда будет вдохновлять те народы, которые станут трудиться над построением справедливого общества. Этим людям с каждым годом делается все очевиднее, что от нашего недавнего прошлого мы не унаследовали более полного и более смелого пророчества о братском гуманизме грядущего, чем «Листья травы» Уолта Уитмена».

Потребовалось сто лет, чтобы критики окончательно поняли, что в кажущейся «неряшливости» и «неуклюжести» стихотворений Уитмена такое совершенство поэтической формы, какое доступно лишь великому мастеру. Уитмен был единственным мастером своего «уитменианского» стиха. Ни один из его подражателей не достиг той виртуозности в обращении со «свободным стихом», какой достиг Уолт Уитмен в своей книге.

Все передовое человечество чествует ныне великого поэта Америки, воспевавшего братское единение народов, которое служит для них верным залогом победы над кровавой угрозой фашизма.

Корней Чуковский

І. СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕТОПИСЦЫ БУДУЩИХ ВЕКОВ

Летописцы будущих веков,
Вот я открою вам эту бесстрастную
внешность и скажу, что написать обо мне,
Напечатайте имя мое и портрет мой повесьте повыше,
ибо имя мое — это имя того, кто умел так нежно любить,
И портрет мой — друга портрет, страстно любимого другом,
Того, кто не песнями своими гордился, но безграничным
в себе океаном любви, кто из себя изливал его щедро
на всех,
Кто часто блуждал на путях одиноких, о друзьях,
о желанных мечтая,
Кто часто в разлуке с другом скорбный лежал по ночам
без сна,
Кто хорошо испытал, как это страшно, как страшно,
что тот, кого любишь, может быть, втайне к тебе
равнодушен,
Чье счастье бывало: по холмам, по полям, по лесам
пробираться, обнявшись вдвоем, в стороне от других,
Кто часто, блуждая по улицам с другом, клал себе
на плечо его руку, а свою — к нему на плечо.

ПРИСНИЛСЯ МНЕ ГОРОД

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы
напали на него все страны вселенной,
Мне снилось, что это был город Друзей, какого еще никогда
не бывало,
И что превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь,
и в ней была главная суть,

И что каждый час она сказывалась в каждом поступке
жителей этого города,
Во всех их словах и взорах.

ТЕБЕ

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь заговорить
со мною, почему бы тебе не заговорить со мною?
Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

В МЫСЛЯХ МОИХ ПРОХОДЯ

(После чтения Гегеля)

В мыслях моих проходя по Вселенной, я видел, как малое,
что зовется Добром, упорно спешит к бессмертью,
А большое, что зовется Злом, спешит раствориться, исчезнуть
и сделаться мертвым.

ЩЕДРЫМ ДАЯТЕЛЯМ

Все, что вы даете мне, с радостью я принимаю,
Немного провизии, лачугу и сад, немного денег на память
о встрече с моими стихами,
Ночлег и еду для прохожего, когда я скитаюсь по Штатам, —
зачем же я стану стыдливо скрывать, что я принимаю
дары?
Разве сам я из тех, кто ничего не дарит ни мужчине,
ни женщине?
Нет, и мужчинам и женщинам я даю доступ ко всем
богатствам вселенной.

Я ВИДЕЛ ДУБ В ЛУИЗИАНЕ

Я видел дуб в Луизиане,
Он стоял одиноко в поле, и с его ветвей свисал мох;
Этот дуб вырос один, без товарищей, весело шелестя своей
темной листвою.

Несгибаемый, корявый, могучий, был он похож на меня,
Но мне было странно, что он мог в одиночестве,
без единого друга, так весело шелестеть своей листвою,
ибо я на его месте не мог бы,
И я отломил его ветку, и обмотал ее мхом,
И повесил ее на виду в моей комнате,
Не затем, чтобы она напоминала мне о моих милых друзьях
(Я ведь и без того в эти дни ни о ком другом не помышляю),
Но он останется для меня примечательным символом,
заставляя думать о дружбе,
И пусть себе дуб средь широкого поля, там, в Луизиане,
блестит одинокий,
Весело шумя своей листвою всю жизнь без единого друга,—
Я знаю очень хорошо, что я не мог бы.

БЕЙ! БЕЙ! БАРАБАН!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
В окна, в двери ворвитесь, как беспощадная мать,
В величавую церковь, разгоните молящихся,
В школу, долой школяров;
Прочь от невесты, жених, — не время тебе
наслаждаться с невестой,
Не время и мирному пахарю мирно пахать и косить,
Так бешено гремишь ты, барабан, — так звонко трубишь ты,
труба!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
Над грохотом города, над уличным стуком колес;
Что? постланы постели для спящих? кто же заснет в эту ночь?
Не торговать, торгаши, — прочь маклеров, спекулянтов, —
неужто и сейчас они будут барышничать!
Будут ли говоруны говорить? певец попытается петь?
И выступит в суде адвокат, чтобы изложить перед судьей
свое дело?
Так громче же, чаще, барабанная дробь, — кричи, надрывайся,
труба!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
Не вступать в переговоры, не слушать увещаний.
Что вам за дело до трусов, до просящих и хнычущих?
Что вам до старых людей, которые заклиняют юнцов?

Заглушите голос ребенка и материнские вопли,
Пусть даже трупы сотрясуются, что лежат на голых досках,
ожидая похорон.
Так страшен грозный барабан — так звонка труба!

ЕВРОПА

(72-й и 73-й годы этих Штатов)¹

Вдруг из ветхой и сонной норы, из берлоги рабов,
Она молнией прынула и сама на себя удивляется,
Она топчет лохмотья и пепел и сжимает глотки королей.

О, надежда и вера!
О, тоска патриотов, доживающих век на чужбине!
О, тысячи скорбных сердец!
Вернитесь сегодня на родину и снова идите в бой!

А вы, получавшие плату за то, что чернили Народ,—
вы, негодяи, глядите!
За все пытки, убийства, насилия,
За тысячи подлых уловок, которыми лукавая знать
выжимала трудовые гроши у бедноты простодушной,
За то, что королевские уста нарушали свои обещанья
и смеялись над ними,
Народ, захвативший власть, не отомстил никому
и дворянских голов не рубил;
Он презирал жестокость королей.

Но из его милосердия выросла лютая гибель,
и дрожащие цари идут назад,
Шествуют величаво и гордо, с ними их обычная свита:
палач, сборщик податей, поп,
Тюремщик, вельможа, законник, солдат и шпион.

Но сзади всех, смотри, какой-то призрак
Идет и крадется, неясный, словно ночь, весь с головою
укутанный в бесконечную алую ткань,
Не видно ни глаз, ни лица,

¹ То есть 1848—1849 годы, когда во Франции и некоторых других европейских странах произошли революции.

Но мне чудится: если б я мог познакомиться с ними,
я бы полюбил их не меньше, чем своих земляков.
О, я знаю, мы были бы братьями, мы бы влюбились
друг в друга,
Я знаю, что с ними я был бы счастлив.

О КАПИТАН! МОЙ КАПИТАН!¹

О Капитан! мой Капитан! сквозь бурю мы прошли,
Изведен каждый ураган, и клад мы обрели,
И гавань ждет, бурлит народ, колокола трезвонят,
И все глядят на твой фрегат, отчаянный и грозный!

Но сердце! сердце! сердце!
Кровавою струей
Забрызгана та палуба,
Где пал ты неживой.

О Капитан! мой Капитан! ликуют берега.
Вставай! все флаги для тебя, — тебе трубят рога,
Тебе цветы, тебе венки — к тебе народ толпится,
К тебе, к тебе обращены восторженные лица.

Отец! ты на руку мою
Склонился головой!
Нет, это сон, что ты лежишь
Холодный, неживой!

Мой Капитан ни слова, уста его застыли,
Моей руки не чувствует, безмолвен и бессилен,
До гавани довел он свой боевой фрегат,
Провез он через бурю свой драгоценный клад.

Звените, смейтесь, берега,
Но горестной стопой
Я прохожу по палубе,
Где пал он неживой.

¹ Стихотворение написано под впечатлением смерти президента Линкольна (1865). Клад, о котором здесь говорится, — объединение Штатов и «освобождение» негров.

ЛЕДЯНОЙ УРАГАН СЛОВНО БРИТВАМИ

(Из поэмы «Спящие»)

Ледяной ураган словно бритвами врезается в берег,
пушечный залп возвещает крушение,
А потом утихает буря, и приходит луна, барахтаясь в зыби морской.
Я гляжу, где беспомощно бьется корабль, он с треском
налетел на скалу,
я слышу, люди завывали от ужаса, вопли становятся
глуше и глуше.
Я не в силах помочь, мои пальцы сжимаются в судороге,
Я могу лишь кинуться к волнам, пусть они обольют меня
и замерзнут на мне.
Я вместе с толпою, мы ищем, ни одного не прибило живого,
Утром я помогаю подбирать мертвецов и складывать
их рядами в амбаре ¹.

СКВО ²

(Из поэмы «Спящие»)

Вот что рассказала мне мать, сидя как-то со мной за обедом,
О той поре, когда она была подростком и жила в старом
родительском доме.
К старому дому в одно раннее утро пришла краснокожая скво,
На спине у нее была вязанка того камыша, из которого
плетутся для стульев сиденья,
Ее волосы, обильные, прямые, блестящие, жесткие, черные,
наполовину закрывали ей лицо,
Ее поступь была плавной и легкой, а в голосе была
неизъяснимая прелесть.
Моя мать с удивлением и радостью глядела на эту
незнакомую женщину,
Глядела на прелестную свежесть лица, на полные, гибкие
руки и ноги,
Чем дальше глядела моя мать на нее, тем сильнее влюблялась
в нее,

¹ Здесь Уитмен описывает подлинный случай: в 1840 г. у берегов его родного Долгого острова затонул большой корабль «Мексика».

² Скво — индейская женщина.

Никогда до той поры не видала она такой изумительной,
благородной красоты.
Она усадила ее на скамью к очагу, она стала готовить ей
пищу,
Работы она ей не дала, но она дала ей память и любовь.

Скво пробыла у нее весь день и ушла незадолго до вечера,
О, моей матери так не хотелось, чтобы она уходила,
Всю неделю она думала о ней, она ждала ее долгие месяцы,
Много лет она вспоминала ее и в летнюю и в зимнюю пору,
Но краснокожая скво не вернулась, и больше ее
в тех местах не видали.

МУЖСКОЕ ТЕЛО ПРОДАЕТСЯ С МОЛОТКА

(Из поэмы «Я пою электрическое тело»)

Мужское тело продается с молотка,
(Я часто ходил до войны на невольничий рынок
поглядеть, как торгуют рабами),
Продавец бестолков, не умеет работать, пойду
помогу продавцу.

Джентльмены, перед вами чудо,
Какую бы цену за него ни просили, оно стоит
гораздо дороже,
Чтобы создать это чудо, земля готовилась миллиарды веков,
без единого растенья и животного,
Не спотыкаясь, упорно кружились миры для него.

И эта голова, в ней всесокрушающий мозг,
В ней и под ней создаются герои.

Вглядитесь в эти руки — красные, черные, белые —
как мудры в них жилы и нервы,
Их можно обнажить, чтобы вы видели их.

Тончайшие чувства, зажженные жизнью глаза,
отвага и воля,
Выступы мускулов, гибкий позвоночник, верткая
шея, упругое мясо, крепкое и ладное тело,—
А какие чудеса там внутри!

То, во что мы верим, притаилось и ждет нас во всех странах земли,
Оно никого не зовет, оно не дает обещаний, оно пребывает
Оно ждет терпеливо, чтобы наступил его срок.

(Да, я воспеваю не только покорность,
Я также воспеваю мятеж,
Ибо я верный поэт каждого бунтовщика во всем мире,
И кто хочет идти за мною, забудь об уюте и размеренной
жизни,
Каждый час ты рискуешь своей головой.)

Битва в разгаре, то и дело трубят тревогу, — мы то наступаем, то отходим назад, Торжествуют враги или думают, что они торжествуют, Тюрьма, эшафот, кандалы, железный ошейник, свинцовые пули делают дело свое, И славные и безымянные герои гибнут один за другим, Великие трибуны и писатели изгнаны, они чахнут на далеких чужбинах, Их дело уснуло, сильнейшие глотки захлебнулись своей собственной кровью, И юноши при встрече друг с другом опускают в землю глаза; И все же Свобода здесь, она не ушла отсюда, и врагу досталось не все.

Когда уходит Свобода, она уходит не первая, не вторая,
не третья,
Она ждет, чтоб уйти после всех.
Когда уже не вспоминают ни героев, ни мучеников,
Когда вся жизнь и все души людей начисто уничтожены
в какой-нибудь части земли,
Только тогда свобода или идея свободы исчезнет в этой
части земли,
И враг восторжествует вполне.

Не унывай же, европейский мятежник!
Ибо лишь тогда тебе будет конец, когда будет конец всему,
Когда уже больше не вспомнят о любящих нигде,
ни в одной стране.

Когда ораторы в людных собраниях попытаются чернить
их имена,
Когда мальчиков станут крестить не именами героев,
но именами-убийц и предателей,
Когда законы об угнетении рабов будут сладки народу,
и охота за рабами будет одобрена всеми,
Когда вы или я, проходя по земле и увидев невольников,
возрадуемся в сердце своем
И когда вся жизнь и все души людей будут уничтожены
в какой-нибудь части земли,
Лишь тогда будет уничтожена воля к свободе,
Лишь тогда тиран и нечестивец станут владыками мира.

ЭТОТ ПЕРЕГНОЙ

1

Вдруг что-то ошарашило меня, когда я думал, что все хорошо,
И я бегу из любимого тихого леса,
Я не стану бродить по лугам,
Я не пойду, не разденусь, чтобы встретиться с моим
любовником — морем,
Я не стану прижиматься моим телом к земле, чтобы
ее тело обновило меня.

Почему же ее не тошнит, эту землю?
Как можешь ты жить на земле, ты, весенняя зелень?
Как можешь ты давать мне здоровье, ты, травяная кровь,
кровь корней, плодов и зерен?
Разве изо дня в день не пихают в тебя пораженные болезнями
трупы?
Разве каждый материк не состоит из покойников?

Как же ты отделалась от этих трупов, земля?
От этих пьяниц и жирных обжор, умиравших из рода в род?
Куда же ты девала это мясо, эту зловонную жижу?
Сегодня их не видно нигде, или, может быть, я ошибаюсь.
Вот я проведу борозду моим плугом, я глубоко войду
в землю лопатой и переверну верхний пласт,
И под ним, я уверен, окажется вонючее мясо.

**Вглядитесь же в эту землю! рассмотрите ее хорошо!
Может быть, каждая крупинка земли была когда-то
частицей больного — и все же смотрите!**

Прерии покрыты весенней травой,
И бесшумными взрывами всходят бобы на грядках,
И нежные копья лука пронзают воздух,
И каждая ветка яблони усеяна гроздьями почек,
И бледноликая пшеница воскресает из гроба,
И просыпается светлая зелень над шелковицей и над ивой,
И птицы-самцы поют утром и вечером, а их самки
сидят в своих гнездах.

И вылупляются птенцы из яиц,
И появляются новорожденные твари, корова рождает теленка,
а жеребенка — кобыла,
И из своих маленьких холмиков честно встают
темнозеленые листья картошки,
И из своих холмиков желтые стебли маиса встают,
и сирень цветет у дверей во дворе,
И горда и невинна летняя зелень над пластами
гниющих покойников.

Какая химия!

Что ветры и вправду не веют заразой,
 Что нет никакого подвоха в этой влаге прозрачно-зеленой,
 которая жаждет меня обласкать,
 Что я смело могу ей позволить лизать мое голое тело
 множеством своих языков,
 Что мне не грозят лихорадки, которые влиты в нее,
 Что все чисто всегда и вовеки,
 Что прохладное питье из колодца так вкусно,
 Что ежевика так сочна и душиста,
 Что ни яблоки, ни апельсины, ни виноград, ни дыни,
 ни сливы, ни персики не отравляют меня,
 Что, когда я лежу на граве, она не заражает меня,
 Хотя, может быть, каждая былинка травы встает из того,
 что было когда-то заразой,
 Этим-то земля и пугает меня, она так тиха и смиренна,
 Она создает такие милые вещи из такого гнилья,
 Чистая и совсем безобидная, возвращается она вокруг оси,
 вся набитая трупами тяжко болевших,
 И такие прелестные ветры создает она из страшных зловоний.

с таким простодушным видом каждый год обновляет она
свои щедрые, пышные всходы,
дает всем людям такие дивные вещи, а под конец получает
от них такие отбросы в обмен.

ДЛЯ ТЕБЯ, ДЕМОКРАТИЯ

Вот я сделаю всю сушу неделимой,
Я создам самый великолепный народ из всех,
озаряемых солнцем,
Я создам дивные магнитные страны,
сплоченные любовью товарищей,
вечной любовью товарищей.

Я густо усажу, как деревьями, союзами дружбы
все реки Америки, все побережья ее великих озер и
все ее прерии,
И ее города будет невозможно разнять, так крепко они
обнимут друг друга,
сплоченные любовью товарищей,
мужественной любовью товарищей.

Это тебе от меня, Демократия, чтобы тебе послужить,
Тебе, тебе я пою эти песни, моя жена!

ПЕРВЫЙ ОДУВАНЧИК

Свежий, простой и прекрасный, освободившийся
из плена зимы,
Как будто никогда не бывало на свете ни моды,
ни политиканства, ни денежных дел,
Из пригретого солнцем закоулка в траве, невинный,
тихий, золотой, как заря,
Первый одуванчик весны кажет свой доверчивый лик.

ИСПАНИЯ, 1873—74¹

Из мрака самых тяжких туч,
Из-под феодальных обломков, из-под груды королевских
скелетов,
Из-под старого европейского хлама, когда рухнул
шутовской балаган,
Из-под развалин церквей и дворцов, из-за поповских
гробниц
Вот оно глянуло вдруг, свежее, светлое лицо Свободы,
знакомое бессмертное лицо;
(Как будто Матери твоей лицо мелькнуло,
Как будто меч тебе, Колумбия, сверкнул,
Меч, предвещающий будущее.)

Не думай, что мы тебя забыли, родная.
Что с того, что ты медлишь? Что тучи снова закроют тебя?
Ведь вот явилась же ты перед нами,— мы уже знаем тебя,
Теперь уже нам нельзя сомневаться, мы видели тебя,
Ты там, ты повсюду, ты ждешь, чтобы пришло твое время.

ИЗ «ПЕСНИ О СЕБЕ»

* * *

Беглый раб забежал ко мне во двор и спрятался у самого
дома,
Я услышал, как он шевелится в куче скрипучего хвороста,
В полуоткрытую кухонную дверь я увидел его, обессиленного,
И вышел к нему, он сидел на бревне, я ввел его в дом
и успокоил его,
И принес воды, и наполнил лохань, чтобы он вымыл
вспотевшее тело и покрытые ранами ноги,
И дал ему комнату рядом с моею, и дал ему грубое чистое
платье,

¹ В 1873 году, в ходе буржуазной революции в Испании, король Амедей отрекся от престола. Была провозглашена республика. Борьба внутри республиканского лагеря привела к быстрому разгрому народных сил. В результате военного путча власть захватили монархисты. На престол Испании вступил Альфонс XII. Свержение монархии и установление республики и имеет в виду Уолт Уитмен, говоря о кратковременном явлении Свободы «из-под старого европейского хлама». Колумбией поэт называет Америку.

И помню я хорошо, как беспокойно водил он глазами и как
он был смущен,
И помню, как я наклеивал ему пластыри на испаранную
шею и на щиколотки ног.
Он жил со мною неделю, отдохнул и ушел на север.
Я сажал его за стол рядом с собою, а мое кремневое ружье
было в углу...

* * *

Ближе прижмись ко мне, гологрудая ночь, крепче прижмись
ко мне, магнетическая сильная ночь!
Ночь, у тебя южные ветры, ночь, у тебя редкие и крупные
звезды!
Тихая, дремотная ночь — безумная, голая, летняя ночь.

Улыбнись и ты, сладострастная, с холодным дыханьем, земля!
Земля, твои деревья так сонны и мягки!
Земля, твое солнце зашло, — земля, твои горные кручи
в тумане!

Земля, ты в синеватых стеклянных струях полнолуния!
Земля, твои тени и блики пестрят бегущую реку!
Земля, твои серые тучи ради меня посветлели!
Ты далеко разметалась, земля, — вся в цвету яблонь, земля!
Улыбнись, потому что идет твой любовник!

Блудница, ты дала мне любовь, — и я отвечаю любовью!
О, несказанной, горячей любовью!

* * *

Гордое спокойствие мучеников,
Женщина старых времен, обвиненная в том, что она ведьма,
горит на сухом костре, а дети ее стоят и глядят на нее,
Загнанный раб, весь в поту, изнемогший от бега, пал
на плегень отдышаться,
Судороги колют его ноги и шею иголками, смертоносная
дробь и ружейные пули,
Эти люди — я, и их чувства — мои.

Я — этот загнанный раб, это я от собак отбиваюсь ногами,
Вся преисподняя следом за мною, щелкают, щелкают выстрелы,
Я за плетень ухватился, мои струпья содраны, кровь
сочится и каплет,

Я падаю на камни в бурьян,
Лошади там заупрямились, верховые кричат, понукают их,
Уши мои, как две раны, от этого крика,
И вот меня бьют с размаху по голове кнутовищем.

Мучения — это всего лишь одна из моих одежд,
У раненого я не пытаю о ране, я сам становлюсь тогда
раненым,
Мои синяки багровеют, пока я стою и смотрю, опираясь
на легкую трость.

Я раздавленный пожарный, у меня сломаны ребра,
Я был погребен под обломками рухнувших стен,
Я дышал огнем и дымом, я слышал, как кричат мои товарищи,
Я слышал, как далеко от меня стучат их кирки и лопаты,
Они убрали упавшие балки и бережно поднимают меня.

И вот я лежу на воздухе, ночью, в красной рубашке, никто
не шумит, чтобы не тревожить меня,
Я не чувствую боли, я изнемог, но мне хорошо,
Бледные, прекрасные лица окружают меня, пожарные каски
уже сняты с голов,
Толпа, что стоит на коленях, тускнеет, когда факелы
тускнеют вместе с ней.

* * *

Ночью я открываю мой люк и смотрю, как далеко разбрызганы
в небе миры.
И все, что я вижу, умноженное на самую высшую цифру,
какую можно представить себе, есть только граница
новых и новых вселенных.

Дальше и дальше уходят они, расширяясь, всегда
расширяясь,
За грани, за грани, вечно за грани миров.

У моего солнца есть солнце, и мое солнце покорно
колесит вокруг него,
А то со своими соратниками примыкает к высшему кругу,
А за ними еще более великие, перед которыми
величайшие становятся малыми точками.

Нет ни на миг остановки, и не может быть остановки,
Если бы я и вы, и все миры, сколько есть, и всё, что на них
и под ними, снова в эту минуту свелись к бледной текучей
туманности, в конце концов, это была бы безделица,
Мы вернулись бы снова сюда, где мы стоим сейчас,
И отсюда пошли бы дальше, все дальше и дальше.

Несколько квадрильонов веков, немного октильонов
кубических миль не задержат этой минуты, не заставят
ее торопиться;
Они — только часть, и все — только часть,
Как далеко ни смотри, за твоею далью есть дали.
Считай, сколько хочешь, неисчислимы года.

СТАРИКОВСКОЕ СПАСИБО

Стариковское спасибо, — пока я не умер,
За здоровье, за полуденное солнце, за этот неосязаемый
воздух,
За жизнь, просто за жизнь,
За бесценные воспоминания, которые со мною всегда (о тебе,
моя мать, мой отец, мои братья, сестры, товарищи),
За все мои дни, не только дни мира, но также и дни войны,
За нежные слова, ласки, подарки из чужих краев,
За кров, за вино и мясо, за признание, которое доставляет
мне радость
(Вы, далекие, неведомые, словно в тумане, милые читатели,
молодые или старые, для меня безымянные,
Мы никогда не видались, и никогда не увидимся, и все же
наши души обнимаются долго, крепко и долго),
За все, что живет, за любовь, дела, слова, книги, за краски
и формы,
За всех смелых и сильных, за преданных, упорных людей,
которые стояли за свободу во все века во всех
странах,
За самых смелых, самых сильных, самых преданных
(им особый лавр, пока я не умер, — в битве жизни
отборным бойцам,
Канонирам песни и мысли, великим артиллеристам, вождям,
капитанам души).

Как солдат, что воротился домой по окончании войны,
Как путник, один из тысяч, что озирается на пройденный
путь,
На длинную процессию идущих за ним,
Спасибо! веселое спасибо! от путника, от солдата спасибо!

ПЕСНЯ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

1

Пешком с легким сердцем выхожу на большую дорогу.
Я здоров и свободен, весь мир предо мною.
Эта длинная и бурая тропа ведет меня, куда я хочу.

Отныне не надо мне счастья, я сам свое счастье.
Отныне я больше не хнычу, ничего не отлагаю на завтра
и ни в чем не имею нужды;
Жалобы, попреки, придирки и книги оставлены дома;
Сильный и радостный, я шагаю по дороге вперед.

Земля, разве этого мало?
Мне не нужно, чтобы звезды спустились хоть чуточку ниже.
Я знаю, им и там хорошо, где сейчас.
Я знаю, их довольно для тех, кто и сам из звездных миров.

(Все же я несу на себе мой обычный сладостный груз,
Мужчин и женщин я несу на себе всюду, куда ни пойду.
Клянусь, мне вовеки не сбросить их,
Они наполняют меня, и в обмен будут наполнены мною.)

2

Ты, дорога, я иду по тебе, глядя в оба, но мне думается,
я вижу не все,
Мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами.
Здесь глубокий урок: все принять, никого не отвергнуть,
никому не оказать предпочтения,
Курчавый негр, невежда, преступник, больной — всякому
открыта она.

Роды, кто-то спешит за врачом, нищий ковыляет, шатается
пьяный, рабочие шагают гурьбой и смеются,
Подросток, сбежавший из дому, экипаж богача, расфуфыренный
франт, жених, увозящий невесту тайком от ее родни,
Торгаш, торопящийся спозаранку на рынок, погребальные
дроги, мебель, что перевозится в город, и другая —
из города.
Они проходят, и я прохожу, и все проходит, и никто никому
не помеха.
Я никого не отвергну, и все они будут дороги мне.

3

Ты, воздух, без тебя мне ни говорить, ни дышать!
Вы, предметы, творцы моих мыслей, дающие им отчетливый
облик!
Ты, свет, что окутал меня и все вещи нежным и ровным
дождем!
Вы, торные кривые тропинки, бегущие рядом с дорогой!
Я верю, что в вас таится незримая жизнь, ибо вы так
дороги мне.

Вы, тротуары, мощенные плитами! вы, крепкие каменные
обочины улиц!
Вы, паромовики! вы, доски и столбы пристаней! вы, суда
в строительных лесах! вы, корабли на рейде!
Вы, вереницы домов! вы, фасады, пронзенные окнами! вы,
крыши!
Вы, крылечки и парадные подъезды! вы, железные решетки
перед домами!
Вы, окна, чья прозрачная скорлупа может так много
открыть нашим взорам!
Вы, двери и ступеньки, ведущие к ним! вы, своды и арки
домов!
Ты, серый булыжник нескончаемых улиц! вы, перекрестки,
исшарканные ногами прохожих!
Много прикосновений вы впитали в себя и втайне
передаете их мне,
Вы населены и живыми и мертвыми, их образы встают
предо мной, как друзья.

Земля простирается по правую руку и по левую руку,
 Яркая картина встает передо мною, и в ней каждая деталь —
 совершенство,
 Музыка начинает звучать, когда нужно, а когда не нужно,
 умолкает;
 Ликующий голос дороги, радостное, свежее чувство дороги.

Говоришь ли ты мне, о дорога: *не уходи от меня?*

Говоришь ли ты мне: *не дерзай уходить — если уйдешь,*
ты пропал?

Говоришь ли ты мне: *не расставайся со мною, ведь я*
так гладко утоптана и по мне так удобно шагать?

О большая дорога! — говорю я в ответ, — я не прочь
 и расстаться с тобою, но я тебя очень люблю.
 Ты выражаешь меня лучше, чем я сам выражаю себя.
 Ты больше для меня, чем та песня, которая создана мной.

Я думаю: героические подвиги все рождались на вольном ветру
 и все вольные песни на воздухе,
 Я думаю: я мог бы сейчас встать и творить чудеса,
 Я думаю: что я ни встречу сейчас на дороге, то с первого
 взгляда полюбится мне.

И кто увидит меня, тот полюбит меня.

Я думаю, кого ни увижу сейчас, тот должен быть счастлив.

Отныне я провозглашаю себя свободным от мнимых преград
 и уз,
 Иду, куда вздумаю, — сам себе полный хозяин, наделенный
 неограниченной властью,
 Прислушиваясь к тому, что мне скажут другие, внимательно
 вникая в их речи,
 Размышляя, изучая, обдумывая снова и снова,
 Мягко и учтиво, но с непреклонной решимостью освобождаю
 себя от тех пут, которые могли бы меня удержать.

Большими глотками я глотаю пространство.

Запад и восток — мои, север и юг — мои.

Я больше, чем я думал, я лучше, чем я думал.
Я и не знал, до чего я хорош.

Всюду видится мне красота.
Вновь я могу повторить и мужчинам и женщинам: вы сделали
мне столько добра, и я хочу отплатить вам добром.
Все, что я добуду в пути, я добуду для себя и для вас,
Я развею себя между всеми, кого ни повстречаю в пути.
Я брошу им новую радость и новую грубую мощь,
И кто отвергнет меня, не опечалит меня,
А кто примет меня, будет блажен и дарует блаженство мне.

6

Если бы тысячи совершенных мужчин предстали сейчас
предо мною, это не удивило бы меня,
Если бы тысячи красивейших женщин явились сейчас
предо мною, это не изумило бы меня.

Теперь я постиг, как создать самых лучших людей:
Пусть вырастают на вольном ветру, спят и едят с землею...

Здесь раздолье для геройского подвига
(Для подвига, что покоряет сердца всех на свете людей —
Столько в нем воли и силы, что он сводит насмарку
законы и насмехается над всеми властями,
И все возражения смолкают пред ним.)

Здесь испытание мудрости.
Не в школах окончательно испытывать мудрость,
Те, у кого она есть, не могут передать ее тем, у кого ее нет,
Вся мудрость — в душе, ее нельзя доказать, она сама
есть свое доказательство,
Она равно приложима к любому предмету, состоянию
и качеству, и больше ничего ей не надо,
В ней свидетельство реальности и бессмертия мира, а также
его совершенства,
Есть нечто такое в этом потоке зримых вещей и явлений,
что манит ее из души.
Здесь я снова проверю сейчас все религии и философии.
Может быть, они хороши в залах, где читаются лекции, но
никуда не годятся под просторными тучами среди природы,
у бегущих ручьев.

Здесь осуществление всего,
Здесь проверяется каждый из нас, здесь каждый осознает,
что в нем есть.
Прошедшее, будущее, величие, любовь, если они без тебя
существуют, то и ты существуешь без них.

Питательно только зерно.
Кто же станет сдирать шелуху для тебя и меня?
Кто справится для тебя и меня со всеми лукавствами жизни,
кто снимет для нас оболочку вещей?

Здесь люди влекутся друг к другу не по заранее составленным
планам, а внезапно, по прихоти сердца.
Знаешь ли ты, что это значит — когда ты идешь по дороге
и вдруг в тебя влюбляются чужие?
Знаешь ли ты речь этих глаз, что обращены на тебя?

7

Здесь излияние души.
Она прорывается сквозь тенистые шлюзы, в которых вечно
гнездятся вопросы:
Откуда эти томления? Откуда эти невнятные мысли?
Почему многие мужчины и женщины, приближаясь ко мне,
зажигают в крови моей солнце?
Почему, когда они покидают меня, флаги моей радости
никнут?
Почему, когда я прохожу под иными деревьями, меня осеняют
всегда широкие и певучие мысли?
(Я думаю, и лето и зиму они висят на ветвях и роняют
плоды всякий раз, когда я прохожу.)
Чем это я так внезапно обмениваюсь с иными прохожими?
И с каким-нибудь кучером омнибуса, когда я сажу рядом
на козлах?
И с каким-нибудь рыбаком, что выбирает сети, когда я,
проходя по пути, останавливаюсь, чтобы взглянуть на него?
Откуда это доброе чувство, которое так щедро дарят мне
мужчины и женщины?
Откуда у меня такое же чувство к ним?

Излияние души — это счастье, вот оно, счастье!

Я думаю: здесь в воздухе разлито счастье и поджидает

каждого во все времена,

А теперь оно льется в нас, и мы им полны до краев.

Здесь-то и возникает в нас нечто влекущее:

Свежесть и душевная прелесть мужчины и женщины

(Утренняя трава, что лишь сегодня явилась на свет,
не так свежа и прелестна).

И старый и молодой истекают любовью к тому,

кто исполнен таким обаянием,

От него такие чары исходят, перед которыми

и красота и душевные силы — ничто,

С ним жаждут сближения до боли, до томительной дрожи.

Allons! ¹ кто бы ты ни был, выходи, и пойдем вдвоем!

Со мной никогда не устанешь в пути.

Земля не утомит никогда,

Сначала неприветлива, молчалива, непонятна земля,

неприветлива и непонятна Природа,

Но иди, не унывая, вперед, дивные скрыты там вещи,

Клянусь, не сказать никакими словами, какая красота

В ЭТИХ ДИВНЫХ ВЕЩАХ.

Allons! ни минуты не медля,

Пусть эти магазины набиты отличным товаром, пусть

ЭТО ЖИЛЬЕ ТАК УЮТНО, МЫ НЕ МОЖЕМ ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ,

Пусть этот порт защищает от бурь, пусть эти воды

СПОКОЙНЫ, МЫ НЕ ВПРАВЕ БРОСИТЬ ЗДЕСЬ ЯКОРЬ,

Пусть окружают нас горячим радушием, нам дозволено

предаться ему лишь на самый короткий срок.

Allons! соблазны будут еще более заманчивы,

Мы помчимся на всех парусах по бездорожью бурных морей,

¹ Идем!

Туда, где ветры бушуют вовсю, где сшибаются воды,
где клиппер несется вперед, широко распустив паруса.

Allons! с нами сила, свобода, земля и стихии,
С нами здоровье, задор, любопытство, гордость, восторг.

Allons! освободимся от всяких доктрин,
От ваших доктрин, о бездушные попы с глазами летучих
мышей.

Зловонный труп преграждает дорогу — нужно поскорее
его закопать.

Allons! но предупреждаю тебя!

Тому, кто пойдет со мной, нужны самые лучшие мышцы,
самая лучшая кровь,
Тот не смеет явиться на искуc ко мне, кто не принесет
с собою здоровья и мужества,
Не приходите ко мне, кто уже растратил свое лучшее,
Только те имеют право придти, чьи тела прекрасны и
бесстрашны.

Сифилитиков и пьяниц мне не надо.

Я и подобные мне убеждаем не метафорами,
не стихами, не доводами,
Мы убеждаем тем, что мы существуем,

11

Слушай! Я не хочу тебе лгать.

Я не обещаю тебе старых приятных наград, я обещаю тебе
новые, грубые.

Вот каковы будут дни, которые ожидают тебя:

Ты не будешь собирать и громоздить то, что называется
богатством.

Все, что наживешь или создашь, ты будешь разбрасывать
щедрой рукой:

Войдя в город, не останешься в нем дольше, чем нужно,
и, верный повелительному зову, поскорей уйдешь

оттуда прочь,
Те, кто останутся у тебя позади, будут издеваться

над тобой и язвить тебя злыми улыбками.

На призывы любви тебе придется ответить лишь страстным
прощальным поцелуем,

И ты оттолкнешь те руки, что попытаются тебя удержать.

Allons! за великими Спутниками, о, иди с ними рядом!
 Они тоже в дороге — порывистые горделивые мужчины
 и великолепные женщины.
 В море они радуются и штилю и шторму,
 Они проплыли по многим морям, исходили многие земли,
 Побывали во многих далеких краях, посетили там немало
 жилищ,
 И внушают доверие каждому, они пытливо изучают
 города, они одинокие труженики,
 Они встанут порой на дороге и вглядываются в растения,
 в цветы или в ракушки побережий,
 Они танцуют на свадьбах, целуют невест, бережно
 холят детей, рожают детей.
 Солдаты революционных восстаний, они стоят у раскрытых
 могил или опускают в них гробы,
 Они странствуют и зимою и летом, и каждый год их
 удивительной жизни вытекает из всех предыдущих,
 Они идут по дороге, и с ними их спутники, их минувшие
 годы,
 С ними бредет их неосуществленное детство,
 Им весело шагать со своей собственной юностью,
 с бородатой, мужественной, зрелой порой,
 Или с женственностью в полном цвету, непревзойденной,
 довольной,
 Они идут с собственной величавою старостью.
 Их старость спокойна, богата пространством, расширена
 гордою ширью вселенной,
 Старость, которая свободно струится к сладостной
 освободительнице — смерти.

Allons! к тому, что безначально и вечно!
 Много трудностей у нас впереди, дневные переходы,
 ночевки,
 Мы все растворим в той цели, к которой идем, в тех
 днях и ночах, что ведут к этой цели,
 Чтобы пуститься в другой, еще более знаменательный,
 торжественный путь,
 Чтобы не видеть ничего на этом пути, кроме цели,
 чтобы дойти до нее и пройти мимо нее,

Чтобы не считаться с расстоянием и временем,
только бы дойти до нее и пройти мимо нее,
Чтобы не видеть иного пути, кроме того, что простерт
перед тобою и ожидает тебя,
Чтобы идти к той же цели, куда идут все творения,
создал ли их бог или нет,
Чтобы убедиться, что не существует сокровищ, которыми ты
не мог бы владеть без труда и без денег, обделенный,
на жизненном пиру и все же участвуя в пире,
Чтобы взять самое лучшее, что только есть на ферме
землепашца и на роскошной вилле богача,
И целомудренное счастье дружной супружеской пары,
и плоды, и цветы садов,
Чтобы извлечь свое из каждого тесного города,
когда вам случится через него проходить,
Чтобы унести с собою здания и улицы и нести их
повсюду, куда ни пойдете,
Чтобы собрать воедино при встречах с людьми мысли
из их головы и любовь из их сердца,
Чтобы увести с собою тех, кто полюбится вам,
Чтобы понять, что весь мир есть дорога, очень много
дорог, дорог для путешествующих душ.

Все уступает дорогу душам, идущим вперед,
Все религии, устои, искусства, правительства — все, что
видимо на этой планете или на любой планете,
разбегается по углам и укромным местам перед
шествием душ по великим дорогам вселенной.

Всякое другое движение вперед есть только прообраз
и эмблема этого шествия человеческих душ
по великим дорогам вселенной.

Вечно живые, вечно рвущиеся вперед, потерпевшие неудачу,
гонимые, безумные, пылкие, слабые, недовольные жизнью,
Отчаянные, гордые, любящие, больные, признанные другими
людьми или отвергнутые другими людьми,
Они идут! они идут! я знаю, они идут, но я не знаю, куда,
Но я знаю, что идут они к лучшему — к чему-то великому.

Выходи же, кто бы ты ни был! выходи, мужчина
или женщина!

Ты не должен прохлаждаться и нежиться в доме, хотя бы
ты построил его сам или он для тебя был построен.

Прочь из темноты закоулка! прочь из-за ширмы!
Никаких возражений! они не помогут, я знаю все
и выведу вас на чистую воду.
Я вижу вас насквозь, вы не лучше других.
Вы не заслонитесь от меня ни смехом, ни танцами,
ни обедом, ни ужином,
Я вижу сквозь эти мытые и холеные лица,
Видю скрытое, молчаливое отвращение и ужас.

Вашего признания не услышать ни жене, ни другу, ни мужу.
Об этом вашем двойнике, который прячется,
угрюмый и мрачный,
Бессловесный и безликий на улицах, кроткий и учтивый
в гостиницах,
В вагонах, на пароходах. в публичных местах,
В гостях у мужчин и женщин, за столом, в спальне,
повсюду,
Шикарно одетый, смеющийся, бравый, а в сердце
у него смерть, а в черепе ад,
Под костюмом из тонкой материи, под перчатками,
под лентами и поддельными розами,
Верный обычаям, ни слова не говорит о себе,
Он говорит обо всем, но никогда не говорит о себе.

14

Allons! сквозь восстанья и войны!
То, к чему мы идем, не может быть отменено ничьим
приказом.

Привела ли к победе былая борьба?
И кто победил? ты? твой народ? Природа?
Но пойми меня теперь до конца: так уж устроено
в сути вещей, чтобы жатвою каждой победы, какова бы
она ни была, являлось нечто такое, что вызовет новую
борьбу, еще более лютую.

Мой призыв есть призыв к боям, я готовлю пламенный мятеж.
Тот, кто идет со мною, будь вооружен до зубов.
Тот, кто идет со мною, не бойся ни нужды, ни голода,
ни злобных врагов, ни предателей.

15

Allons! дорога перед нами!
Она безопасна — я прошел ее сам, — мои ноги испытали ее, —
смотри же, не медли.
Пусть бумага останется на столе неисписанная, и на полке
нераскрытая книга,
Пусть останется твой инструмент на заводе! и ты
не получишь заработанных денег!
Пусть останется школа пустой! не слушай призывов учителя!
Пусть поп проповедует в церкви! пусть ораторствует
адвокат на суде и судья выносит приговоры!

Камерадо, я даю тебе руку!
Я даю тебе мою любовь, она драгоценнее золота,
Я даю тебе себя самого, раньше всяких наставлений
и заповедей.
Дашь ли ты мне себя? пойдешь ли ты со мною в дорогу?
Будем ли мы с тобой неразлучны до последнего дня
нашей жизни?

ПЕСНЯ РАДОСТЕЙ

О, создать самую радостную песню,
Полную музыки — полную детского счастья, счастья
мужчин и женщин,
Полную повседневных работ — полную деревьев и зерен!
О, если бы ей голоса всех животных, быстроту
и равновесие рыб!
О, если бы в ней капали капли дождя!
О, если бы сияло в ней солнце и мчались бы волны!
О, счастье моей души, — она вольная — она прынула
молнией!

Мне мало всего шара земного, мне мало любой эпохи.
У меня будут тысячи этих шаров и все до единой эпохи.

О, радость машиниста! вести паровоз!
Слышать шипение пара, радостный крик паровоза, его свист,
его хохот!
Вываться в далекий простор, нестись без преград вперед!

О, беззаботно блуждать по полям и горам!
Цветы и листочки простых сорняков, влажное, свежее
молчание леса.
Тонкий запах земли на заре и в полуденный час!

О, радость скакать на коне!
Седло, галоп, прижимание тела к седлу, холодное журчание
в волосах и в ушах!

О, радость пожарного!
Я слышу тревогу в ночи,
Я слышу набат и крики! я бегу, оставляя толпу позади!
Вид пламени пьянит меня восторгом.

О, радости борца-силача, что, как башня, стоит на ринге,
вполне подготовленный к бою, в гордом сознании
силы и жаждет схватиться с противником!

О, радость широкого и простого сочувствия, которое только
человеческая душа может излучать из себя таким
ровным неиссякающим током!

О, радости матери!
Оберегать, и терпеть, и безмерно любить, и страдать,
и прилежно растить живое!

О, радость роста, накопления сил,
Радость умиротворения и ласки, радость согласия и лада!

О, вернуться туда, где родился,
И еще раз услышать, как щебечут на родине птицы,
И еще раз пойти по родному жилью, и сбегать в поле,
побывать на гумне,
И еще раз прогуляться по саду, по его старым тропинкам!

О, расти в лагунах, заливах, бухтах или на берегу океана,
И остаться там до конца моих дней, и жить, и работать там,
Соленый и влажный запах, берег, соленые водоросли

на мелководье отлива,
Труд рыбака, труд ловца угрей и собирателя устриц!

Я прихожу с лопатой и скребком для раковин, со мною моя
острога для угрей.

Что? уже отлив? я иду на песчаную отмель, подхожу
к собирателям устриц;

Я смеюсь и работаю с ними, весело болтаю, шучу,
я — молодой весельчак,

А зимою я беру мою острогу, мою вершу и шагаю по льду
залива, и при мне мой топорик, чтобы прорубать

лунки во льду,
Смотрите, как тепло я одет, я иду с удовольствием

и к вечеру возвращаюсь домой.
И со мною ватага товарищей, они молодцы,

И подростки, и взрослые, только со мной им так любо
работать, — со мной и ни с кем другим!

Днем работать со мной и ночью отдыхать со мной.

А в жаркую пору, в лодке, поднимать плетенки для крабов,
опущенные в воду на грузных камнях

(мне известны их поплавки)!
Как сладко майское утро перед самым рассветом, когда я

гребу к поплавкам
И тяну накренившиеся плетенки к себе, сбоку, и темнозеленые

раки отчаянно угрожают клешнями, когда я беру их
оттуда и сую в их клешни деревянные,

И объезжаю одно за другим все места, а потом гребу обратно,
к берегу,

Там кидаю их в кипящую воду, в котел, покуда
они не станут багровыми.

А в другой раз ловить скумбрию,

Сумасшедшая, жадная, так и хватает крючок у самой
поверхности моря, и похоже, что ею покрыты целые

мили воды;
Или ловить губанов в Чесапике¹, я один из загорелой

команды,

¹ Губан — рыба; Чесапик — бухта.

Или выслеживать лососей у Поманока¹, я, весь напряженный,
стою на баркасе,
Моя левая нога на шкафуте², моя правая рука бросает
кольца тончайшей леси,
И вокруг меня юркие ялики, они юлят, выплывают вперед,
их до полсотни, они вышли на ловлю со мной.

О, пробираться на веслах по рекам,
Вниз по Сент-Лоренсу³, пароходы, великолепные виды,
Парусники, Тысяча Островов⁴, изредка бревенчатый плот
и на нем плотовщики с длинным рулевым веслом,
Малые шалаши на плотах, и над ними дымок по вечерам,
когда стряпают ужин!

(О, страшное, грозящее гибелью!
Далекое от скаредной, ханжеской жизни!
Неизведанное! словно в горячечном сне!
То, что со всех сорвалось якорей и вышло на вольный
простор!)

О, работать на рудниках или ковать железо,
Раскаленный поток металла, литейная, высокий корявый
навес, просторный полутемный завод,
И домна, и кипящая жидкость, что струится, выливаясь оттуда!

О, пережить сызнова радость солдата!
Чувствовать присутствие храбреца-командира, чувствовать,
что он расположен к тебе!
Видеть его спокойствие — согреваться в лучах его улыбки,
Идти в бой — слышать барабан и трубу!
Слышать гром артиллерии — видеть, как сверкают на солнце
штыки и стволы мушкетов!
Видеть, как падают и умирают без жалоб!
Упитаться по-дикарски человеческой кровью — осатанеть
до конца!

Радоваться ранам и смерти врагов.

¹ Поманок — индийское название Долгого острова (Лонг-Айленда).

² Шкафут — верхний край корабельного борта.

³ Сент-Лоренс — река св. Лаврентия.

⁴ Группа небольших островов на реке св. Лаврентия.

О, радость китобоя! Я опять иду старым рейсом!
Я чувствую бег корабля подо мной; я чувствую, как меня
обвеваает атлантический бриз;
Я слышу, как с топ-мачты кричат: — *Вон... там... водомет кита!*
Я взбегаю на снасти, посмотреть, куда смотрят другие, —
и тотчас же вниз, ошалев от восторга,
Я вижу огромную глыбу, она нежится на солнце в полусне,
Я вижу, встает гарпунщик, я вижу, как вылетает гарпун
из его мускулистой руки,
О, как быстро раненый кит несется вперед против ветра
туда, в океан, и ныряет, и тащит меня на буксире!
Снова я вижу его, как он всплыл, чтобы вдохнуть в себя
воздух, мы снова гребем к нему,
Я вижу, как глубоко вонзилось в его тело копьё, как оно
повернулось в ране,
И снова мы отплываем назад; он снова ныряет, жизнь
быстро уходит от него,
И когда он всплывает наверх, он выбрасывает кровавый
фонтан и плавает кругами, кругами, и каждый круг
становится все меньше, — я вижу, он умирает,
В центре круга он судорожно взматывается вверх, и тотчас же
падает на воду, и застывает в окровавленной пене.

О, моя старость, чистейшая из всех моих радостей!
Мои дети и внуки, мои белые волосы и борода!
Как я безмятежен, широк, величав после продолжительной
жизни!

О, зрелая радость женщины! О, наконец-то я счастлива!
Я многотимая мать, мне уже девятый десяток,
Как ясны мои мысли — как все вокруг влекутся ко мне!
Какое притяжение таится во мне! оно еще сильнее,
чем прежде! какое цветение, пышнее цветения
юности!
Какая нисходит на меня красота, излучаемая мною на всех!

О, радости оратора!
Выкатывать громы голоса из легких, из горла,
Возбуждая в людях те самые чувства, какие бушуют в тебе:
ненависть, сострадание, страсть!
Вести за собою Америку — покорять ее могучими речами!

О, радость моей души, что утверждает себя, опираясь
на себя самое, в мире материальных вещей,
впитывая их и любя,
Как моя душа обогащает себя зрением, слухом, осязанием,
мыслями, сравнением, памятью,
И все же подлинная жизнь моих чувств и плоти
превосходит мои чувства и плоть,
Ибо плоть моя — не только материальная плоть и глаза мои
не только материальные глаза,
Ибо в конце концов видят мир не они,
И не только моя материальная плоть в конце концов любит,
гуляет, смеется, кричит, обнимает, рождает.

О, радости фермера!
Того, кто живет в Канаде, в Миссури, в Канзасе, в Айове,
в Огайо, в Иллинойсе, в Висконсине!
Встать на рассвете дня и сразу же окунуться в работу,
Осенней порою пахать под озимые,
Весенней порою пахать под кукурузу,
Взрачивать фруктовые сады, делать деревьям прививку,
собрать яблоки осенней порой!

О, плавать в бассейне или броситься с берега в море,
Плескаться в воде или бегать нагишом по побережью!

О, понять, как безмерно пространство!
Множественность и безграничность миров,
О, появиться на свет и быть заодно с небесами, с солнцем,
с луною, с летящими тучами!

О, радость величавого мужества!
Ни перед кем не заискивать, никому ни в чем не уступать,
никакому известному или неизвестному деспоту,
Ходить, не сгибая спины, гибкой и пружинистой походкой,
Глядеть безмятежным или сверкающим взором,
Говорить благозвучным голосом, исходящим из широкой
груди,
Смело ставить себя на равной ноге с любым человеком.

Знаешь ли ты прекрасные радости, которые дарует нам
молодость?
Радости крепкой дружбы, веселого слова, смеющихся лиц?
Радости блаженного яркого дня и широко-дыхательных игр?

Радость звонкой музыки, освещенного бального зала,
танцоров?
Радость обильных обедов, разгульной пирушки и выпивки?

И все же, о моя высшая душа!
Знаешь ли ты радости созерцательной мысли?
Радости свободного одинокого сердца, нежного мрачного
сердца?
Радости уединенных блужданий с изнемогшей, но гордой
душой, радости борьбы и страдания?
Муки, экстазы, тревоги, радости тяжелых раздумий
дневных и ночных,
Радости мыслей о Смерти, о Пространстве и Времени?
Радости предвидения лучшей и высшей любви, радости,
приносимые дивной женой и вечным, любимым,
совершенным товарищем,
Твои, о бессмертная, радости, достойные лишь тебя, о душа!

О, куда живешь на земле, быть не рабом, а властителем
жизни!
Встретить жизнь, как могучий победитель,
Без раздражения, без жалоб, без сварливых придирок,
без скуки,
Этим гордым законам воздуха, воды и земли доказать,
что им моя душа неподвластна,
Что нет такой внешней силы, которая сломила бы меня!
Ибо, повторяю, не одни только радости жизни
воспеваются мной, — но и радости смерти!
Прекрасное прикосновение Смерти, нежащее и цепящее,
Я сам отдаю мое тело, ставшее зловонным навозом,
чтобы его закопали, сожгли или развеяли пылью,
Мое истинное тело, несомненно, оставлено мне для иных
областей,
А мое опустошенное тело уже ничто для меня: очищенное,
оно опять возвращается в землю, к вечным
потребам земли.

О, притягивать к себе могучим обаянием!
Как, я не знаю сам, — но смотрите, нечто бунтующее,
никому не подвластное,
Оно не защищается, а всегда нападает, но как влекутся
к нему людские сердца.

О, бороться с могучими силами и в неравной борьбе
не уступать им ни шагу!
Биться с ними одному против всех до потери последних сил!
Прямо смотреть в лицо и пыткам, и тюрьмам, и гневу толпы!
Взойти на эшафот и спокойно шагать прямо на ружейные дула!
О, быть воистину богом!

О, умчаться под парусом в море!
Покинуть эту косную, нудную землю,
Эту тошную одинаковость улиц, тротуаров, домов,
Покинуть тебя, о земля, заскорузлая, твердая,
и взойти на корабль,
И мчаться, и мчаться, и мчаться под парусом вдаль!

О, сделать отныне свою жизнь поэмою новых радостей!
Плясать, бить в ладоши, безумствовать, кричать,
кувыркаться, нестись по течению вперед!
Быть матросом вселенной, чтобы мчаться во все гавани
мира,
Быть кораблем (погляди, я и солнцу и ветру отдал
мои паруса),
Быстрым кораблем, нагруженным богатыми словами
и радостями!

II. ПРОЗА

ИЗ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ДАЛЕЙ»

...При беспримерном материальном прогрессе общество в Штатах испорчено, развращено, полно грубых суеверий и гнило. Таковы политики, таковы и частные лица. Во всех слоях нашего общества совершенно отсутствует или недоразвит и серьезно ослаблен важнейший элемент всякой личности и всякого государства — совесть.

Я полагаю, что настала пора взглянуть на нашу страну и на нашу эпоху испытующим взглядом, как смотрит врач, определяя глубоко скрытую болезнь. Никогда еще сердца не были так опустошены, как теперь — здесь у нас, в Соединенных Штатах. Кажется, истинная вера совершенно покинула нас. Нет веры в основные принципы нашей страны (несмотря на весь лихорадочный пыл и мелодраматические визги), нет веры даже в человечество.

Чего только не обнаруживает под личиной проницательный взгляд! Ужасное зрелище. Мы живем в атмосфере лицемерия. Мужчины не верят в женщин, женщины не верят в мужчин. Презрительная ирония господствует в литературе. Цель всех литераторов — найти предмет для насмешек. Бесконечное количество сект, церквей и т. д., самые мрачные призраки из всех, какие я знаю, присвоили себе имя религии. Разговоры — одна болтовня, зубоскальство. От лживости, коренящейся в душе — матери всех фальшивых поступков, — произошло несметное потомство.

Один неглупый откровенный человек, из Департамента сборов в Вашингтоне, объезжающий по обязанности службы города севера, юга и запада для расследования злоупотреблений, поделился со мною своими печальными открытиями.

Испорченность делового класса не меньше, чем принято думать, а неизмеримо больше. Общественные учреждения Америки во всех ведомствах, кроме судебного, изъедены

взяточничеством и злоупотреблениями всякого рода. Суд начинает заражаться тем же. В крупных городах процветает грабеж: очень много респектабельных мошенников, больше, чем нереспектабельных. В высшем свете легкомыслие, любовные шашни, легкие измены, ничтожные цели или полное отсутствие каких бы то ни было целей, за исключением одной: убить время. В бизнесе (всепожирющее слово «бизнес»), по общему признанию, существует одна только цель — любыми средствами добиться барыша. В сказке один дракон сожрал всех других драконов. Нажива — вот наш современный дракон, который проглотил всех других. Что такое наше высшее общество? Толпа шикарно разодетых спекулянтов и пошляков. Правда, за кулисами этого нелепого фарса, поставленного у всех на виду, где-то в глубине, на заднем плане, увидишь колоссальные труды и подлинные ценности, которые рано или поздно, когда наступит их срок, выйдут из-за кулис на авансцену, но действительность все-таки ужасна; я утверждаю, что, хотя демократия Нового Света достигла великих успехов в деле извлечения масс из болота, в котором они погрязали, в деле материального развития, в деле обманчивого, поверхностного культурного лоска, — она потерпела банкротство в своем социальном аспекте, в своем религиозном, нравственном и литературном развитии. Пусть приближаемся мы небывало большими шагами к тому, чтобы стать колоссальнейшей империей в мире, превзойти все древние монархии, оставить за собою империю Александра и гордую республику Рима. Пусть присоединили мы Техас, Калифорнию, Аляску и на севере стремимся захватить Канаду, а на юге — Кубу, мы стали похожи на существо, одаренное громадным, хорошо приспособленным и все более развивающимся телом, но почти лишенное души...

...Признайтесь, что для строгого глаза, смотрящего на человечество сквозь нравственный микроскоп, все эти города, кишасие ничтожными гротесками, калекami, призраками, бессмысленно кривляющимися шутами, представляются какой-то выжженной, гладкой Сахарой. В магазине, на улице, в церкви, в театре, в пивной, в канцелярии — всюду легкомыслие, пошлость, гнусное лукавство, предательство, всюду фатоватая, хилая, чванная, преждевременно созревшая юность, всюду чрезмерная похоть, нездоровые тела, мужские и женские, подкрашенные, подмалеванные, в шиньонах, грязный цвет лица, испорченная кровь, способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о

красоте, дурные манеры или, вернее, полное отсутствие всяких манер, какого, пожалуй, не найти во всем мире...

...У меня был разговор с одним иностранцем, проникательным, хорошим человеком; разговор произвел на меня впечатление; в сущности, он выражал мои собственные наблюдения и мысли. «Я много путешествовал по Соединенным Штатам, — говорил иностранец, — я наблюдал ваших политических деятелей, слушал речи кандидатов, читал газеты, заходил в пивные, вслушиваясь в непринужденные беседы людей. И я убедился, что ваша хваленая Америка с ног до головы покрыта язвами, и эти язвы — вероломство, измена и себе и своим собственным принципам! Из всех окон, из всех дверей на меня бесстыже глядели дикие личины раздора и рабства; всюду я видел, как мерзавцы и воры либо назначали других на всевозможные общественные должности, либо сами занимали эти должности. Север не менее порочен, чем Юг. Из сотни чиновников, состоящих на государственной службе, или в каком-нибудь штате, или в каком-нибудь городе, не было ни одного, который был бы действительно избран волей незаинтересованных лиц, волей самого народа. Все были навязаны народу большими или маленькими фракциями политиканов, при помощи недостойных махинаций и подкупленных выборщиков; заслуги и достоинства здесь не ценились нисколько. Всюду я видел, как миллионы крепких и смелых фермеров и мастеровых превращаются в беспомощный гибкий тростник в руках сравнительно немногочисленной кучки политиканов. Всюду, всюду я видел одну и ту же тревожную картину, как партии захватывают власть в государстве и с открытым бесстыдством пользуются ею для корыстных партийных целей».

Печальные, серьезные, глубокие истины. Но есть другие, еще более глубокие истины, которые преобладают над первыми и, так сказать, опровергают их. Над всеми политиканами, над их большими и малыми шайками, над их наглостью и хитрыми уловками, над самыми сильными партиями возвышается власть, может быть, покуда еще дремлющая, но всегда решающая и приказывающая по своему усмотрению, осуществляющая свои решения с суровой непреклонностью. Порою она разбивает вдребезги самые сильные партии, даже в час их торжества и могущества.

В более светлые часы все кажется совершенно иным. Есть события и более существенные, чем избрание губернатора, мэра или члена конгресса, хотя, конечно, очень важно, кого

избирают, и ужасно, если избирают невежду или негодая, как это бывает порой. Но обман, как морские отбросы, всегда окажется на виду, на поверхности. Лишь бы самая вода была глубока и прозрачна. Лишь бы одежда была сшита из добротной материи: ей не повредят никакие позументы и нашивки, никакая наружная мишура, ей веки не будет сносу. Словом, не беда, что в нашем народе и в нашей стране возникла кровавая смута; ведь этот народ сам нашел в себе силы ее подавить.

В конце концов главное значение в стране имеет лишь средний человек...

...Когда я скитаюсь под разными широтами в разные времена года и наблюдаю толпы в больших городах: в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Цинциннати, Чикаго, Сент-Луисе, Сан-Франциско, Новом Орлеане, Балтиморе, — когда я смешиваюсь с этими бесчисленными сонмами бойких, подвижных, добродушных и независимых граждан, мастеровых, мелких служащих, подростков, то при мысли об этом множестве таких свободных и свежих, таких любящих, таких гордых людей меня охватывает благоговейный трепет. С изумлением и стыдом я чувствую, что никто из наших гениев, талантливых писателей и ораторов не говорил с этими людьми по-настоящему. Мало кто мог (вернее, никто не мог) создать для них хоть единый образ или впитать в себя и претворить в себе их дух и главные особенности, из которых даже самые характерные остаются до сих пор незапечатленными и непрославленными...

...Великие поэмы, включая шекспировы, убийственны для идеи гордости и достоинства простого народа, для жизненных соков демократии. Те литературные образцы, которые пришли к нам из других стран, из-за моря, родились при дворах, выросли в лучах солнца, светившего замкам, — все они пахнут королевскими милостями. Правда, есть у нас немало писателей, работающих в своем собственном стиле. Многие из них элегантны, многие учены, и все чрезвычайно приятны. Но подойдите к ним с национальным мерилом или с теми требованиями, которые мы предъявляем демократической личности, и они обращаются в прах. Я не знаю ни одного писателя, художника, оратора или кого бы то ни было, кто шел бы наравне с безгласными, но вечно живыми и деятельными, всепроникающими стремлениями нашей страны, с ее непреклонной волей.

Неужели этих жеманных карликов можно назвать поэтами Америки? Неужели эти грошовые, худосочные штучки, эти

стекляшки фальшивых драгоценных камней можно назвать американским искусством, американской драмой, критикой, поэзией? Мне кажется, что с западных горных вершин я слышу презрительный хохот Гения этих штатов.

...Литература данной страны, ее песни, эстетика и т. д. имеют значение постольку, поскольку они служат материалом и образцами для создания личности мужчины и женщины, дают ей толчок и усиливают ее тысячью действенных способов. Подобно тому, как каждый отдельный штат может развиваться и крепнуть лишь благодаря могучему объединению и слиянию всех штатов, так и отдельная личность, во всех ее свободных проявлениях, может расцвести пышным цветом лишь в республиканском государстве...

ПИСЬМО К РУССКОМУ

...Вы — русские, и мы — американцы! Россия и Америка, такие далекие, такие несхожие с первого взгляда! Ибо так различны социальные и политические условия нашего быта! Такая разница в методах нашего нравственного и материального развития за последние сто лет!

И все же в некоторых чертах, в самых главных, наши страны так схожи. И у вас и у нас — разнообразие племен и наречий, которому во что бы то ни стало предстоит спаяться и сплавиться в единый союз. Не сокрушенное веками сознание, что у наших народов у каждого есть своя историческая, священная миссия, свойственно вам и нам. Пылкая склонность к героической дружбе, вошедшая в народные нравы, нигде не проявляется с такой силой, как у вас и у нас. Огромные просторы земли, широко раздвинутые границы, бесформенность и хаотичность многих явлений жизни, все еще не осуществленных до конца и представляющих собою, по общему убеждению, залог какого-то неизмеримо более великого будущего, — вот черты, сближающие нас. Кроме того, и у вас и у нас есть свое независимое руководящее положение в мире, которое и вы и мы всячески стремимся удержать и за которое, в случае надобности, готовы выйти в бой против всего света; бессмертные стремления, живущие в глубине глубин обоих великих народов, такие страстные, такие загадочные, такие бездонные, — все это опять-таки наше

общее свойство, присущее в равной мере и нам, американцам, и вам, русским.

Так как заветнейшая мечта моя заключается в том, чтобы поэмы и поэты стали интернациональны и объединяли все страны на земле плотнее и крепче, чем все договоры и дипломаты, так как подспудная идея моей книги — задушевное содружество людей (сначала отдельных людей, а потом, в итоге, всех народов земли), — мне надлежит ликовать, что меня услышат, что со мною войдут в эмоциональный контакт великие народы России.

Этим народам я здесь и теперь (обращаясь в вашем лице к России и к русским и предоставляя вам право, если вы найдете удобным, напечатать в вашей книге в качестве предисловия мое письмо) — этим народам я шлю сердечный салют с наших берегов от имени Америки.

Уолт УИТМЕН

Камден, Нью-Джерси, Соединенные Штаты.
20 декабря 1881.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К. Чуковский. Уолт Уитмен	3
-------------------------------------	---

I. Стихотворения

Летописцы будущих веков	6
Приснился мне город	6
Тебе	7
В мыслях моих проходя	7
Щедрым дателям	7
Я видел дуб в Луизиане	7
Бей! Бей! Барабан!	8
Европа	9
В тоске и в раздумье	10
О Капитан! мой Капитан!	11
Ледяной ураган словно бритвами	12
Скво	12
Мужское тело продается с молотка	13
Некоей певичке	14
Европейскому революционеру, который потерпел поражение	14
Этот перегной	16
Для тебя, Демократия	18
Первый одуванчик	18
Испания, 1873—74	19
Из «Песни о себе»	19
Стариковское спасибо	22
Песня большой дороги	23
Песня радостей	33

II. Проза

Из «Демократических далей»	41
Письмо к русскому	45

Редактор — Г. ЯРЦЕВ.

А 03347. Подписано к печати 9/VI 1955 г.
Тираж 150.000. Изд. № 512. Заказ 946.
Формат бумаги $70 \times 108\frac{1}{2}$.
0,75 бум. л. — 2,05 печ л.

Ордена Ленина типография газеты
«Правда» имени И. В. Сталина. Москва,
ул. «Правды», 24.